

Ю.Ю. Кравинская, Е.В. Полховская

СПЕЦИФИКА ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО ТЕКСТА ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ АВСТРАЛИИ И НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Дается краткий сравнительный обзор литературного процесса Австралии и Новой Зеландии. В рамках постколониальных исследований раскрывается специфика национальных литератур, обусловленная уникальностью формирования национального и расового состава региона. Приводится сравнительная характеристика языкового, регионального и дискурсивного критерия определения национальных литератур как постколониальных. Практический анализ ряда произведений иллюстрирует этапы развития литературного процесса.

Ключевые слова: переселенческое общество; постколониальная литература; англоязычная литература; идентичность; дискурс; колонизация; коренной этнос.

В ходе распада Британской империи ряд стран, заселенных в большей степени потомками переселенцев из Европы, обрели независимость. В процессе построения государственности они идентифицировали себя как новые англоязычные нации, при этом создали уникальную картину мира и национальную литературу. В постколониальных исследованиях эти регионы определены как «переселенческие колонии» (settler colonies) и «переселенческие общества» (settler societies) [1. Р. 193–194]. Примером переселенческих обществ являются Австралия, Новая Зеландия, США, Канада, ЮАР. Необходимо отметить, что страны Карибского бассейна не рассматриваются как переселенческие общества, хотя в регионе также применялась переселенческая политика колонизации. Но белые переселенцы – относительно малая группа плантаторов, а большинство – это потомки рабов, насильно привезенных из Африки. Следовательно, историко-культурный базис формирования национального и расового состава современного населения Карибского бассейна отличается от «белых» переселенческих обществ, что не дает возможность рассматривать их в данном контексте.

Вопрос характеристики переселенческих обществ как постколониальных является актуальным в современных гуманитарных и филологических исследованиях. Наибольшие дискуссии вызывают следующие вопросы: являются ли потомки переселенцев колонизаторами или колонизированными, можно ли считать переселенческую культуру и литературу, в частности, постколониальной наряду с территориями, которые не были объектом переселенческой политики метрополии. Билл Эшкрофт (Австралия), один из ведущих исследователей постколониализма, характеризует положение переселенцев следующим образом: «...они одновременно и колонизаторы, и колонизированные» [1. Р. 194]. При этом исследователь подчеркивает, что кроме первоначальных захватнических действий переселенцы продолжают культурную колонизацию, присваивая, например, статус «коренного» в процессе идентификации себя как отдельной нации. Виджей Мишра и Боб Ходж (Австралия) утверждают, что переселенческие общества имеют постколониальные черты, так как «опыт колонизации имел больше общих характеристик среди белых колоний переселен-

цев, чем среди колоний, чье население не составляли переселенцы» [2. Р. 282]. Но Энн Лумба (Индия) отмечает, что «белые поселенцы были носителями колониального права, и их последующее развитие – культурное и экономическое – не объединяет их с другими колонизированными народами... белое население не было подвергнуто геноциду, экономической эксплуатации, культурному опустошению и исключению из политической жизни, как это случилось с колонизированным местным населением» [3. Р. 9]. Иными словами, исследователи не дают однозначного ответа на поставленные вопросы, что делает актуальным их дальнейшее рассмотрение в аспекте изучения литературы данного региона.

Теоретики постколониализма отмечают амбивалентную позицию белого населения в бывших переселенческих колониях. С одной стороны, переселенцы и их потомки принимают на себя образ Другого, навязанный метрополией, наравне с коренными жителями. Но, с другой стороны, участие белого населения в агрессивной политике освоения земель в прошлом препятствует объединению с коренными этносами в поисках национальной идентичности. Память о действиях переселенцев в качестве носителей колониального права является частью культурного кода колонизированных народов, воспринимающих их как колонизаторов. В современных переселенческих обществах потомки переселенцев и аборигенные группы как правило разграничены на дискурсивном и социальном уровне. Они создают два дискурсивных поля национальной культуры. Это отражено и в национальной идентичности, которая представляет собой гибридизированную структуру, где кроме влияния культуры метрополии присутствует взаимное проникновение культуры белых переселенцев и коренных этносов. Возникают внутренние идентификационные противоречия, и идентичность формируется на отрицании проживающей рядом национальной группы.

Цель статьи – рассмотреть специфику литературы Австралии и Новой Зеландии в аспекте их определения как постколониальных. Анализ канадской и американской литературы в рамках изучения беллетристики переселенческих обществ не включен в данную статью, так как данный материал требует отдельного

детального исследования. Кроме того, переселенческий опыт является только одним из ряда факторов, влияющих на формирование американской литературы наряду с фронтиром, диаспоризацией американского общества, неокOLONиальной позицией государства.

Австралийская и новозеландская литературы имеют следующие объединяющие факторы: история колонизации и доминирование английского языка. Исходя из этого, англоязычные литературы Австралии и Новой Зеландии включены в литературу Содружества наций. Но данное понятие негативно воспринимается современными исследователями из-за присутствия колониального дискурса, так как национальные литературы бывших колоний определяются как периферийные по отношению к центру (метрополии). Также не отражена специфика национальных литератур в таких аспектах, как история национальной беллетристики, уровень включения фольклора доколониального периода, причины выбора английского языка авторами. Более того, Денис Фондж Тембонг (Камерун) видит несостоятельность термина в отсутствие единого круга читателей, для которых написана данная литература: «Рассуждения о литературе Содружества становятся проблематичными, так как она не обращена ни на одно культурное сообщество. Скорее, это литературные произведения, созданные в различных сообществах, написанные на английском языке» [4. Р. 457]. Исследователь приводит в пример камерунскую англоязычную литературу, которая не может быть включена в литературу Содружества на основании только языкового принципа, будучи литературным протестом против действий не метрополии, а местного франкофонного населения Камеруна.

Авторы научной работы «*Empire Writes Back: Theory and Practice in Postcolonial Literature*» («Империя пишет ответ», 1989) Билл Эшкрофт, Хелен Тиффин, Гарет Гриффит определяют представленные литературы как постколониальные [5. Р. IX]. Руководствуясь критерием влияния колонизации на литературный процесс, авторы монографии применяют также термин «постколониальная» по отношению к литературе США, Канады, стран Карибского бассейна, Индии, Пакистана, Сингапура, Малайзии, стран Африканского континента, островных государств Тихого океана. Но в прочтении постколониального как характеристики культуры, появившейся в этих регионах в период колонизации и после неё, невозможно выявить специфику переселенческих обществ. Дипика Бахри (США), глава междисциплинарного проекта «Глобализационные и постколониальные исследования», пишет: «Нераскрытой посредством приставки “пост” в постколониализме остается проблема иерархических связей, которые существуют между этническими группами в переселенческих колониях как и в различных экономических и культурных контекстах, таких например, как маори в Новой Зеландии, аборигены в Австралии...» [6. Р. 82]. Но использование термина «постколониальный» представляется перспективным по отношению к переселенческим обществам, если учитывать такой объединяющий фактор, как единое дискурсивное поле.

Исследователь постколониального британского романа О.Г. Сидорова обращается к трактовке постколониального Е.М. Бикмана и Т. Д’Ана (Бельгия), основанной на дискурсивном критерии. Е.М. Бикман ставит во главу угла культурное противостояние между Востоком и Западом, между колонизированными и колонизирующими культурами. Т. Д’Ан добирает предложенную трактовку постколониальной литературы как «противостояние между центром и окраинами / периферией» [7. С. 18], что позволяет включить в сферу изучения и переселенческие общества. Стивен Слемон (Канада) также утверждает, что литература переселенцев может быть рассмотрена в рамках постколониального дискурса как литература сопротивления, но с пониманием ее специфики. По его мнению, контр-дискурсивная составляющая постколониального пространства присутствует и в переселенческих обществах, но имеет другую природу: «...[противостояние] возникает не из первоначального культурного противостояния, которое обязательно присутствует в переселенческих обществах, но из продолжающегося скрытого отрицания европейского доминирования через концептуальный и культурный аппарат» [8. Р. 6]. Действительно, и австралийцы, и новозеландцы прошли идентификационный путь от позиции изгоя, оторванного и тоскующего по далекой родине, до осознания себя отдельной нацией через отрицание культурных корней. При этом идеи бикультурализма, слияния переселенческих и автохтонных культур получили широкое распространение как фактор идентификации новой англоязычной нации, а амбивалентность положения «переселенческих обществ» делают их уникальными на фоне остального постколониального пространства.

Амбивалентная позиция белого населения Австралии и Новой Зеландии оказала влияние на развитие национального литературного процесса. Идентификационные искания белых переселенцев отразились на уровне тематики произведений, образа главного героя, стилистических и языковых форм. История австралийской литературы начинает отсчет с конца XVIII в. и разделена в диахронии на три периода: колониальный (1780–1880), период национального подъема (1880–1920), современный период (1920–). Следуя за процессом формирования национальной идентичности, данные этапы можно охарактеризовать следующим образом: попытка перенесения традиций британской литературы на новую почву, презентация национального подъема в литературе, текстуальная реализация идей создания мультикультурного дискурса. Рассмотрим этапы развития литературного процесса в Австралии.

Кен Стюарт (Австралия), соавтор «*The Cambridge History of Australian Literature*» (2009), охарактеризовал значимость литературы колониального периода следующим образом: «Для новых поселений литература играла патриотическую роль: объявить и восславить приход цивилизации на австралийские дикие земли, важность и универсальность имперских моделей культуры и законов» [9. Р. 10–11]. Тем самым исследователь подчеркивает неразрывную культурную связь между поселенцами и британской родиной.

В мемуарах, путевых заметках эмигрантов из Европы описывались трудности путешествия через океан, освоения новых земель, столкновения с местным населением. Джейсон Руди (США) предложил термин «Плавучие миры» [10. С. 137], взяв за основу название одного из произведений, где описывается опыт пересечения океана, а затем знакомство с новыми южными землями. Среди литературных памятников того времени – воспоминания Дж. Уайта, У. Тенча, Д. Коллинза, М. Флиндерса, которые были офицерами конвой кораблей, доставляющих будущих поселенцев в Австралию. Судьба каторжан, которые стали одними из первых поселенцев далеких южных земель, была отражена в произведении Джеймса Таккера «Ralph Rashleigh; or, The Life of an Exile» («Приключения Ральфа Решле», 1844). Г. Сайвери, Г. Кингсли, К.Х. Спэнс, М. Кларк – авторы первых крупных прозаических произведений, написанных в колониальный период, в которых Австралия изображалась как страна «неограниченных возможностей». Г. Кингсли, Р. Болдervуд идеализировали скваттерскую Австралию (*squatter* – *австрал.* поселенец на пустующей земле, скотовод). Такие авторы как Р.К. Пред, К. Спенс внесли элемент психологизма в повествование с целью индивидуализировать образ героя в реалиях золотой лихорадки. В этом же ключе писал Маркус Кларк, чей роман «His Natural Life» (1874) был переведен на русский язык как «Английская каторга» в 1903 г.

В этот период наиболее известными поэтическими и краткими прозаическими формами являются баллады буша (*Bush Ballads* – *австрал.* баллады жителей сельской местности, А.Л. Гордон, С.Д. Деннис, А.Б. Паттерсон, Б. Боук), ярны (*Yarns* – *австрал.* устные рассказы, Дж.А. Барри), песенный фольклор, в которых присутствует влияние мелодики английских, ирландских, шотландских национальных песен. Ярким примером перенесения ирландского и английского фольклора на австралийскую почву являются баллады буша, основа которых «традиционные баллады о Робин Гуде, а также ирландские песни протеста» [11. С. 180]. Баллады буша рассказывают историю жизни представителей рабочего класса, сельских жителей. В этот же период в австралийском рассказе развиваются такие темы, как оторванность от родины, робинзонада. Повествование ведется в от первого лица и имеет автобиографичный характер. Т.И. Стефанович характеризует австралийский рассказ следующим образом: «Основная коллизия всех этих рассказов – столкновение маленького человека с природой и несправедливым социальным строем, колоссальные усилия воли, труд, настойчивость, терпение, которые ему требуются, чтобы отвоевать право на жизнь и счастье» [12. С. 217]. Иными словами, в краткой прозаической и поэтической форме колониального периода нарратологически передается опыт переселенцев по освоению земель, который является частью идентичности современного австралийца, представляя собой героическое прошлое.

Роман Джеймса Таккера «Ralph Rashleigh; or, The Life of an Exile» («Приключения Ральфа Решле», 1844) является примером крупного прозаического

произведения колониального периода. В критических исследованиях данная работа привлекает внимание как первое художественное произведение, где автор «уделяет внимание уникальному австралийскому сочетанию жизни заключенных, аборигенов и жителей буша, что делает его [роман] наиболее ценным социальным документом» [13. Р. 77]. В романе присутствует автобиографический элемент, так как Джеймс Таккер пережил тяготы каторги и ссылки в австралийскую колонию. В романе детально описываются реалии жизни узника, приговоренного к каторге: тяжелый путь в Австралию, участие в бунте каторжан, побег, жизнь среди бушрейнджеров и австралийских аборигенов. Автор противопоставляет дикие просторы Австралии городской жизни Лондона, которые выступают композиционным фоном для злоключений главного героя. После маленьких грязных улочек густонаселенного европейского города бескрайность буша Австралии вызывает восхищение. Автор описывает страх человека перед дикой природой, и эта тема противопоставления маленького человека могучей природе стала впоследствии сквозной для австралийской литературы.

В 1880 г. Жюль Франсуа Арчибалд и Джон Хайнс основали журнал «The Bulletin», что формально считается началом второго периода в развитии литературного процесса Австралии. В этом периоде главенствовала тема национального подъема, но на националистической основе верховенства белого населения. Редакционная коллегия журнала продвигала антибританские, расистские идеи австралийского национализма, поддерживала республиканские настроения в обществе. Журнал сформировал идентификационную опору «белой Австралии», размещая на своих страницах расистские карикатуры против эмигрантов из Азии, евреев, австралийских аборигенов. Баннер журнала 1908 г. «Australia for the White Men» («Австралия для белых») стал национальным политическим лозунгом [14. Р. 134]. Такая редакторская позиция была крайне популярна среди фермеров, жителей сельской местности, и журнал получил негласное название «The Bushman's Bible» («библия жителя буша»).

«The Bulletin» прославлял культуру буша как отличительную черту австралийской нации. Журнал открыл для читателей ряд авторов, избравших данную тему для своего творчества. Э.Б. Паттерсон, Х. Лосон, Б.О'Дауд, Н. Линдсей, прозаики Дж. Ферфи, Ст. Рудд были объединены критиками в «The Bulletin School» [15. Р. 36]. Журнал стал литературной платформой, которая позволила, например, балладе буша, наследнице фольклора первых переселенцев, стать уникальной национальной поэтической формой. Издание баллад буша способствовало формированию архетипов переселенческой Австралии, в которой аборигенный контекст был только фоном для приключений белого поселенца, изложенных в фольклорной, юмористической форме.

Эндрю Бартон «Банджо» Паттерсон (1864–1941) – один из самых известных поэтов в этом жанре, его баллада «Waltzing Matilda» («Танцующая Матильда», 1895) считается неофициальным гимном Австралии. Главный герой баллад Паттерсона, житель буша, за-

нимает важное место в идентификации белых австралийцев. В нем воплощены такие типичные характеристики, как физическая сила, аскетичность, ярко выраженное маскулинное начало. Наиболее иллюстративной является серия баллад Э.Б. Паттерсона «The Man from Snowy River and Other Verses» («Парень со Снежной реки и другие стихотворения», 1895). Автор запечатлел и такую негативную сторону австралийского общества, как нелегкая судьба стригальщиков овец, свагменов (swagman – *австрал.* бродяга, наемный рабочий на ферме). Так, в «Танцующей Матильде» главный герой, свагмен, украл заблудившуюся овцу, чтобы утолить голод. Когда его преступление раскрыто, свагмен прыгает в биллабонг (billabong – *австрал.* рукав реки) и гибнет. С.З. Шукунда, изучающий культурологический аспект баллад буша, выделяет две темы в произведении: личную свободу и социальное неравенство в австралийском обществе, а именно «мотив защиты прав бедных перед интересами богатых» [16. С. 134], где бедные – это стригали и свагмены, а богатые – скваттократия (squattocracy – *австрал.* богатые скотоводы и землевладельцы). Вопрос социального неравенства, возникшего в результате действий богатых землевладельцев, живущих в метрополии, поднимается в балладах буша, что отражает противопоставление белых переселенцев Австралии жителям метрополии, которое усиливается в дальнейшем.

С развитием феминистского движения в Австралии на рубеже XIX–XX вв. получили национальное признание ряд авторов – женщин, среди которых Б. Бейтон, М. Франклин, Х.Х. Ричардсон. В 1888 г. был создан журнал Луизы Лоусон с феминистской тематикой «The Dawn» («Закат»), который выходил до 1905 г. В начале XX в. урбанистические темы преобладали в австралийской литературе, что отражено в поэтических работах К. Бреннан, К.Дж. Деннис, в романе Л. Стоуна «Jonah» («Джона», 1911). Также издавались радикальные журналы «The Boomerang» (1892) и «The Worker» (1890), развивавшие тему революционных настроений среди рабочего класса.

Следующим поворотным моментом для австралийской литературы стали 1930–1940-е гг. Это период зарождения современной австралийской литературы, в которой центральную роль играет крупная прозаическая форма, дающая возможность линейно отобразить глубину переживаний героя, текстуально передать критический взгляд на окружающий мир. В современном австралийском романе сюжетная тематика строится вокруг описания внутреннего мира героя и раскрытия противоречий австралийского общества. Кроме того, в социуме возникает понимание, что одностороннее формирование нации на базе белой культуры буша не имеет будущего в национальном масштабе, и в литературе все большее внимание уделяется проблемам сосуществования с аборигенным населением. Обращение к прошлому, психологизм душевного одиночества (Г. Ричардсон, М. Бойд, Бр. Пентон, М. Бернард), критическое описание жизни в пригородах (К. Причард, Ф.Д. Дэвидсон, Л. Манн, Ф. Харди), сатирическое отношение к социальным проблемам (Х. Герберта, С.Л. Эллиот, К. Маккензи) были ти-

пичны для австралийской прозы. Наиболее значимой фигурой среди австралийских прозаиков этого периода является Патрик Уайт (1912–1990), который стал нобелевским лауреатом в 1973 году. Его романы «The Tree of Man» («Древо человеческое», 1955), «Voss» («Фосс», 1957), «The Vivisector» («Вивисектор», 1970) получили широкое мировое признание.

В 1930–1940-е гг. произошла поэтическая попытка создания мультикультурной картины австралийской жизни. Члены поэтического движения «Jindywobak Movement» (1930–1940), потомки белых переселенцев, внесли элементы культуры и мифологии аборигенов в европейскую поэтическую форму, видя в синкретичности будущее австралийской поэзии. Общий интерес к наследию аборигенной культуры привел к тому, что произведения авторов аборигенного происхождения (У. МакКоннел, И. Гулагонг, Г. Ворд, С. Морган, Р. Лэнгфорд) обрели национальную популярность и привлекли к себе внимание литературоведов. Представленные авторы используют английский язык как инструмент изложения этнической истории. Авторы рефлексируют о судьбе своего народа, презентуют концептуальную картину мира коренного этноса. Их работы полностью или частично автобиографичны, что перекликается с аборигенной традицией устных сказаний. Постколониальный контекст в современном аборигенном тексте раскрывается с точки зрения Другого, который находится в оппозиции не только к дискурсивному полю метрополии, но и австралийского белого большинства. Аборигенные авторы выводят на первый план темы, актуальные сугубо для коренного населения, что формирует уникальное явление внутри австралийской литературы – аборигенная литература.

Ярким примером современного австралийского романа является работа австралийской писательницы Тэа Этли (1925–2004) «It's raining in Mango» («В Манго идет дождь», 1987). Роман получил позитивную критическую оценку: «Роман Тэа Этли представляет историю семьи Лэффи (Laffey's) как микрокосмос всей нации» [17]. Роман построен как серия рассказов, связанных между собой тематически и действующими лицами. Это частично автобиографичный труд, в котором отражены такие этапы австралийской истории, как распространение диггерства (diggers – *австрал.* группы шахтеров, которые кочевали из одной шахты в другую, готовые выполнить любую черную работу, нарушить закон за деньги), золотая лихорадка, геноцид аборигенов, период между мировыми войнами. Исторические события с 1860-х до 1980-х гг. изложены ретроспективно главной героиней, Конни, через описание нескольких поколений семьи переселенцев. Место, где происходят события, – маленький австралийский городок Манго. Вымышленный городок похож на родной город автора, г. Куранда, который находится на севере от г. Квинсленд. Дождь имеет символическое значение для жителей Манго. Он может принести разрушения от наводнений и циклонов, но он необходим для возрождения земли после засушливых месяцев. Эта смена сезонов засухи и тропических дождей важна для ритма повествования, с помощью которого подчерки-

вается связь человека с природой. Так, символически, автор показывает, как австралийская нация сформировала национальную идентичность, неотрывно связанную с природными условиями австралийского континента.

Повествование ведется с момента выделения земельного участка прадеду главной героини, и автор подчеркивает различия в восприятии процесса заселения для переселенцев и аборигенов. Для одних – это развитие, возможность обретения своего дома, а для других – опустошение и разрушение всей истории их жизни. Также повествуется о проникновении вглубь страны диггеров, чьи действия не только меняли ландшафт Австралии, но и оставили кровавый след в судьбах многих аборигенов. Этли вплетает в историю семьи переселенцев трагичные страницы Австралии. Так, Конни вспоминает, как ее брат, Джордж, нашел поле, усеянное костями незахороненных аборигенов, массово убитых от рук диггеров.

Тема насилия широко представлена в романе, как сценами несправедливого отношения к аборигенам, так и эпизодами беззакония властей на шахтах, по отношению к беднякам, ветеранам Первой мировой войны, бредущим по дорогам Австралии в поисках работы. Австралийское общество, в представлении автора, наполнено агрессией, начиная от действий полиции и армии в подавлении любого сопротивления, действий переселенцев, вырубаящих тропические леса, и заканчивая насилием в быту. Кроме того, Т. Этли пытается дать различные точки зрения на проблемы общества, что кажется рискованным критиком: «...включая героев-аборигенов в повествования она (автор) рисковала быть раскритикованной за романтизацию их образа, если она будет им симпатизировать, или быть названной расисткой, если она напишет их образы слишком критично...» [17]. Но роман не написан только мрачными красками. История семьи Лэффи полна комичных эпизодов, ярких описаний того, как складывается жизнь каждого из членов семьи. Это разнообразие характеров и жизненных историй получило метафорическое название, а именно «человеческое конфетти (human confetti)» [18. Р. 40].

Новозеландская литература повторяет путь, пройденный австралийской, с опозданием на один век, что связано с более поздней колонизацией островов. А.С. Петриковская отмечала сходные черты в развитии австралийской и новозеландской литературы: «...в ее (новозеландской литературы) становлении и развитии нетрудно обнаружить черты, сходные с австралийскими, – ведь и в истории Австралии и Новой Зеландии есть немало общего. Обе страны – в прошлом переселенческие колонии Великобритании, с экономикой аграрно-сырьевого типа, оживлявшейся “золотыми горячками”, с подавляющим англосаксонским большинством в этническом составе» [19. С. 579]. Как и в случае с австралийской литературой, наблюдается влияние культуры метрополии, а национальная идентичность «белых» новозеландцев формируется на основе противопоставления европейского опыта колониальному. В австралийской литературе было выделено три периода: колониальный, период национального подъема, современный период. Дан-

ное разделение применимо и к новозеландской литературе, но литературный процесс в Новой Зеландии испытывает более сильное влияние национальной культуры автохтонного этноса, чем литература Австралии. Отсутствие поселений каторжников, более ожесточенное сопротивление коренных племен, островной статус придали специфику новозеландскому тексту.

Колониальный период для новозеландской литературы начался с XIX в. Это было время аккумуляции опыта переселенцев в виде записок путешественников, первых поселенцев, что сходно с колониальным периодом в австралийской литературе XVIII в., когда изоляция и тоска по далекой родине были стимулом для развития литературного творчества. Авторы сконцентрировали свое внимание на написании периодических журнальных заметок, писем, в которых описывается дикая природа Новой Зеландии, тяжелая жизнь переселенцев. Среди них стоит отметить заметки леди Марии Анн Баркер «Station Life in New Zealand» («Станционная жизнь в Новой Зеландии», 1870), работу Самуэля Батлера «A First Year in Canterbury Settlement» («Первый год в поселении Кэнтербери», 1863) и путеводитель Фредерка Манинга «Old New Zealand» («Старая Новая Зеландия», 1863). Так же как и австралийские авторы, островные писатели искали форму и вдохновение в литературных традициях метрополии, что еще в большей степени отражено в поэтической форме. Первыми поэтами «новой земли» были Альфред Дометт, Джон Барр, Дэвид Макки Райт и Уильям Пемпер Ривз. Их поэмы и стихотворения не только пронизаны ностальгией по далекой европейской родине, но и воспевают героизм первых поселенцев. В поэтических работах присутствует опора на творчество Роберта Бернса (Дж. Бар), на обращение к традиционной австралийской балладе буша (Д. Макки Райт). Это иллюстрирует обоюдное влияние европейской литературной традиции и примера австралийских авторов.

На рубеже XIX–XX вв. на первый план выходят темы, которые отражают самобытность островной литературы. Это период национального подъема, попытка сформировать понимание, каким является житель островов и в чем его уникальность, которую авторы видели в ассимиляции культуры маори. В этот период Новую Зеландию часто называли Маориленд («Maoriland»), термином, по мнению исследователей, имеющим колониальное происхождение: «Это архаическое слово, которое имеет колониальную ассоциацию, и политически неприемлемо в постколониальный период. «Маориленд» предполагает ограниченный патернализм, который теперь воспринимается негативно; это мир, в котором воины маори представлены как герои, а женщины маори – как соблазнительные девы в романтическом ареоле на туристических открытках» [20. Р. 10]. Белым жителям Новой Зеландии это казалось компромиссным вариантом для маорийской культуры и отличалось от пути, выбранного Австралией, где в период повышения национального самосознания обострились национальные и расовые противоречия с аборигенным населением. Примером резкого неприятия автохтонного населения

является редакторская политика ведущего австралийского журнала «The Bulletin» (1880–1910), которая описывалась ранее. Для Новой Зеландии период «Маориленд» ознаменован формированием национальной идентичности новозеландца, осознанием культурной уникальности, что отдаляет островное государство от исторической родины. Идея «Маориленд» предполагала создание новозеландского дискурсивного поля, в котором автохтонная культура в конечном итоге была бы ассимилирована. Маори должны были развивать только формальные элементы культуры доколониального периода, а именно ремесленные промыслы, родоплеменные ритуалы, национальный костюм.

В этот период возникло несколько журналов и литературных сборников, в названии которых упоминалось данное понятие: стихотворный сборник Томаса Бракена «Musings in Maoriland» («Размышления в Маориленде», 1890), в 1901 г. Вильям Сатчелл начал издавать журнал «Maoriland» («Житель Маориленда», 1901), в 1910–1924 гг. издавался журнал левого толка «The Maoriland Worker» («Рабочие Маориленда»). В произведениях присутствовала риторика протеста против политики метрополии и руководства самой Новой Зеландии, что усиливалось выбором героя – маори. Так, прозаики Дж. Уилсон, Дж. Уайт, А. Дометт, У. Бок, Дж. Маккей противопоставляли общество белых обществу маори, описывая последних как благородных дикарей, придавая им черты революционеров, протестующих против социальных несправедливостей. При этом критики отмечают, что литературный текст Новой Зеландии того времени представляет переходный этап между викторианским и модернистским текстом: «Маориленд не принадлежит ни викторианскому периоду, ни периоду модерна, но это платформа для столкновения обоих: в тексте Маориленда присутствуют признаки романтизма XIX века и модернизма XX века» [20. Р. 12].

В начале XX в., в том числе и в годы Первой мировой войны, вплоть до Второй мировой, исторический базис, а именно получение независимости (в 1907 г. Новая Зеландия получила статус доминиона), участие в мировых политических процессах (в Первой мировой войне как союзник Великобритании) дали основание для дальнейшего развития темы островной уникальности новозеландцев. Романы В. Сатчела «The Land of the Lost» («Затерянный мир», 1902), «The Greenstone Door» («Нефритовая дверь», 1914) и Дж. Мэндер «The Story of New Zealand River» («История новозеландской реки», 1920) – одни из первых крупных прозаических форм, в которых повествование о реалиях жизни в Новой Зеландии было построено более детально и реалистично. Роман Дж. Э. Ли «Children of the Poor» («Дети бедняков», 1934) представляет собой частично автобиографичную работу, описывающую детские годы автора на Южном острове. Р. Хайд и Дж. Малген в своих произведениях – «The Godwits Fly» («Полет веретенников», 1938) и «Man Alone» («Одинокий человек», 1939) – отходят от колониального романтизма в сюжетной линии, в описании поселенца-изгоя и вносят новую идею о

людях, делающих одно дело с целью изменить мир, закладывая идентификационные скрепы новозеландской нации.

Кэтрин Мэнсфилд (1888–1923) – одна из самых выдающихся авторов этого периода, в творчестве которой присутствует влияние английской модернистской прозы (В. Вульф, Т.С. Эллиот), чеховского рассказа. Среди наиболее известных работ К. Мэнсфилд – рассказ «Miss Brill» («Мисс Брилл», 1920), новелла «Bliss» («Блаженство», 1920), сборник «The Garden party» («Вечеринка в саду», 1922). Творчество К. Мэнсфилд находится на пересечении британской и новозеландской культуры, так как большую часть творческой жизни писательница провела в Англии. Темы, поднятые в творчестве автора, а именно одиночество, поиск себя, взросление, являются универсальными для литературы модернизма начала XX в. Но универсальность тем не помешала писательнице стать ключевой фигурой в развитии литературы Новой Зеландии того периода, в формировании национальной идентичности белого переселенца как новозеландца. Так, Л.И. Володарская дала следующую характеристику ее вкладу: «...Кэтрин Мэнсфилд была первой новозеландской писательницей, осмыслившей и воплотившей в своем творчестве проблемы глубоко национальные, однако близкие и другим народам» [21. С. 8]. К. Мэнсфилд не копировала, как предшественники, образцы европейского литературного канона. Напротив, углубившись в психологизм героев, автор показала, что жителей Новой Зеландии беспокоят те же проблемы, что и жителей любой европейской страны. Впервые мы видим не описание экзотического уголка, затерянного где-то в океане, а живых героев, которые не вырваны из жизненного контекста. Мэнсфилд приблизила новозеландцев к далекой Европе, показав их не застывшими образами, а обычными людьми.

Психологичность героев К. Мэнсфилд является новаторской для новозеландской литературы, так как впервые главными героями не являются поселенец-первопроходец или благородный дикарь, которые интересны читателю своей экзотичностью. Автор выводит на первый план женские и детские образы, остро чувствующие, находящиеся в кризисе, который еще сильнее ощущается в уединении. А.А. Бурцев и М.А. Бурцева отмечают: «Мэнсфилд привлекали прежде всего естественные, простые характеры – дети, влюбленные, а также одинокие, ущербные, несчастные люди. Именно эти излюбленные персонажи писательницы обнаруживают глубину и богатство внутреннего мира, им подвластны глубокие переживания и сложные психологические состояния» [22. С. 197]. Герой Мэнсфилд становится более индивидуальным и уникальным, его типичность для определенного социального слоя уже не так очевидна, более интересна его универсальность. Таким образом, К. Мэнсфилд переработала модернистский английский рассказ и создала краткую прозаическую форму на новозеландском культурном базисе, что стало точкой отсчета для современной национальной литературы.

В рассказе «Prelude» («Прелюдия», 1918) повествуется о переезде семьи Барнеллов (Burnells) на новое

место. Структурно рассказ разделен на 12 частей, каждая из которых представляет собой эпизод из жизни большой семьи. В рассказе нет четко выраженного начала и финала повествования, что дает ощущение реалистичности, неотрывности художественного описания от реальной жизни. Действие происходит на острове Веллингтон в сельской местности, описание которой раскрывает тему изоляции через восприятие членами семьи окружающей природы, удаленности от других поселений. Психологизм в описании женских персонажей и то, что именно женщины семьи Барнелл находятся в центре повествования, является новаторским для новозеландской литературы начала XX в., в которой главной героиней, также как и в австралийской литературе, – мужчина-переселенец, одиночка, ведущий борьбу за существование на грани своих возможностей. К. Мэнсфилд пересмотрела образ переселенца, для которого были типичны маскулинные черты. Стэнли Барнелл, глава семейства, описывается как простак, прижимистый малый, который вместо подвига первооткрывателя переезжает в новый дом, купленный по выгодной цене, что им неоднократно подчеркивается в ходе повествования. Центральной темой рассказа становится ожидание чего-то несбыточного. Ожидание Линды, жены главы семьи, настолько долгое, что героиня просто живет этим ожиданием, но уже не помнит, что именно она ждет: «Я буду все так же рожать детей, Стэнли – все так же зарабатывать деньги, дети и сады будут все расти и расти» [23. С. 104]. Ее сестра Берил тоже ждет появления кандидата в женихи. Она мечтает выйти замуж «за молодого человека, неимоверно богатого, только что приехавшего из Англии» [23. С. 72]. В образе Берил Мэнсфилд писательница высмеивает идеализацию образа европейца среди белого населения Новой Зеландии того времени.

Следующей центральной фигурой для новозеландской литературы периода «Маориленд» был прозаик Фрэнк Сарджесон (1903–1982). Его первые работы были опубликованы в 1930 г. Сарджесон сделал для Новой Зеландии то, что Марк Твен для США, а Генри Лоусон для Австралии – он нашел стиль, который критики называли новозеландским. Наиболее известными его работами были сборники рассказов «That Summer» («То лето», 1946), «Other Stories» («Еще один сборник», 1946), роман «I Saw in My Dream» («Я видел в своих снах», 1949). Сарджесону удалось инкорпорировать уникальное местное наречие в литературный текст, что было инновационным для новозеландской литературы. Сарджесон был одним из лидеров группы писателей, среди которых были Морис Дюгган, Джанет Фрэйм, искавших новые литературные формы и типы героев. Они стремились уйти от видения новозеландской литературы как провинциальной копии британской. Основной задачей они видели формирование типичного для новозеландской литературы героя, который будет отличаться от британского и австралийского образца и отражать национальную идентичность белого новозеландца. Проза Ф. Сарджесона и его последователей отличается глубиной социальной вовлеченностью и уходом от колониального описания экзотики островной жизни, что оценивалось ими как пагубное для развития литера-

турного процесса. В 1945 г. вышла антология рассказов под редакцией Фрэнка Сарджесона «Speaking for Ourselves» («Рассказываем о себе»), в которую вошли примеры краткой прозы писателей, объединенные Сарджесоном в поиске уникального голоса новозеландской литературы.

Кроме прозаиков во главе с Ф. Сарджесоном, данные идеи продвигались такими поэтами, как Аллен Карноу, Джеймс К. Бакстер. Но построение дискурсивного поля, где главенствующую идентификационную позицию занимает белое большинство, не решало национальных проблем новозеландского общества и не находило поддержки среди маори. Аллен Карноу (1911–2001) – поэт и критик, редактор антологии новозеландской поэзии (1945, 1951 – второе издание), которая была стартом для таких поэтов, как Д. Гловер, А.Р.Д. Фэрберн, Дж. К. Бакстер. Поэтическая антология была модернистской по содержанию, и А. Карноу написал введение, в котором провозгласил создание новой нации новозеландцев [24. Р. 25]. Эта работа повлияла на все последующее развитие поэзии в Новой Зеландии, была оценена критически как предтеча постколониального периода в новозеландской литературе, а роль Карноу сравнивают с вкладом Эдварда Саида в становление теории постколониализма [24. Р. 26].

Современный период для новозеландской литературы начинается со второй половины XX в., когда был развит экспериментальный подход в островной литературе под влиянием европейского постмодернизма. Прозаики А. Вендт, Дж. Фрейм и поэты Я. Ведд, Б. Мэнхайер, Э. Смизер расширили рамки национальной беллетристики. В то же время в 1960-е гг. авторы-романисты Морис Ги, Морис Шадболт остались приверженцами традиционного реалистического романа, откликаясь на призыв дать наиболее полное представление о новозеландцах, что было важно для поиска национальной идентичности переселенческим обществом Новой Зеландии. Морис Ги (1931–) – один из самых известных ныне живущих новозеландских писателей, который создал ряд выдающихся работ как для взрослых, так и для детей. Его трилогия «Plumb Trilogy» («Трилогия Плам», 1978–1983), которая состоит из трех романов – «Plumb» («Плам», 1978), «Meg» («Мэг», 1981), «Sole Survivor» («Единственный оставшийся в живых», 1983), получила мировое признание. Трилогия рассказывает историю христианина левого толка Джорджа Плама, основанную на биографии деда М. Ги и его потомков. Его дальнейшие работы – «Going West» («На Запад», 1992), «Crime Story» («Криминальная история», 1994), «Live Bodies» («Живые тела», 1998) – показали развитие автора как романиста, раскрывающего темы морали и социального историзма [25. Р. 324]. Биография Мориса Шадболта (1932–2004) также указывает на то, что он придерживается левых взглядов. Типичным героем ранних работ Шадболта был человек из рабочего класса, оказавшийся среди богемного общества, вовлеченный в личные перипетии. Герой следует левым политическим взглядам, особенно в вопросе национального самоопределения. В 1972 г. был опубликован роман Мориса Шадболта «Strangers and Journeys» («Незнакомцы и путешествия»), который стал

квинтэссенцией затронутой автором ранее темы взаимодействия разных социальных миров – рабочего класса и элиты. Впоследствии Шадболт обратился к теме взаимоотношений маори и пакеха, полной исторических обращений к периоду колонизации Новой Зеландии в XIX в. Это тема раскрыта автором в таких романах, как «Season of the Jew» («Сезон евреев», 1986), «Monday's Warriors» («Воины понедельника», 1990), «The House of Strife» («Дом Страйфа», 1993).

Как и в Австралии, литературный процесс в Новой Зеландии второй половины XX в. отмечен стремлением коренного населения пересмотреть национальную идентичность и найти свое место в дискурсивном поле новозеландской культуры. Авторы, имеющие маорийское происхождение, получили национальное и мировое признание. Этот процесс был определен исследователями как «маорийский ренессанс» (Maori renaissance) [1. P. 193–194] – явление, которое затрагивает различные стороны общественной и культурной жизни Новой Зеландии. Авторы маорийского ренессанса (В. Ихимаэра, П. Грейс, К. Хьюм, А. Дафф) используют постмодернистские приемы фрагментации и деконструкции, выводят идею национального бикультурализма в основные темы новозеландской литературы второй половины XX в. Более детально период маорийского ренессанса в новозеландской литературе был рассмотрен в статье «Маорийский ренессанс 1950–2000: репрезентация национального возрождения в литературе» [26].

Бывшие колонии Британской империи, большинство населения которых – белые, объединены в постколониальных исследованиях под понятием «переселенческие общества», что подчеркивает их тесную связь с культурой метрополии. Национальные литературы переселенческих обществ включены в корпус постколониальной литературы, но обладают спецификой, так как испытывают на себе влияние и метрополии, и культурного наследия коренных колонизированных народов. В постколониальных исследованиях дискуссионными являются положение потомков переселенцев в бинарной оппозиции колонизатор-колонизированный, критерии определения национальных литератур переселенческих стран как постколониальных. Рассматриваемые новозеландская и австралийская литературы близки в вопросах становления и поэтапного развития, что отражает общий культурно-исторический базис. Также прослеживаются сходные темы, поднимаемые авторами, потомками переселенцев, а именно уникальность природы, изоляция и оторванность от исторической родины; соседство с коренным этносом, поиск национальной идентичности. Но на современном этапе развития выявляются различия в вопросе уровня вовлечения коренного населения и его культуры в литературный процесс. Представляется перспективным продолжить исследование данных национальных литератур в сравнительном аспекте и провести анализ презентации национальной идентичности в художественном тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. *Postcolonial Studies: The Key Concepts*. Second edition. London : Routledge, 2007. 292 p.
2. Hodge B., Mishra V. *Dark Side of the Dream: Australian Literature and the Postcolonial Mind* North Sydney. Allen & Unwin, 1991. 253 p.
3. Loomba A. *Colonialism / Postcolonialism* 3rd ed. Abingdon : Routledge, 2015. 304 p.
4. Tembong D.F. The Ambiguous Status of Commonwealth Literature: A Critical Consideration // *International Journal of English and Education*. 2014. Vol. 3 (3). P. 455–467.
5. Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. *The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures*. Second edition. London; New York : Routledge, 2010. 283 p.
6. Bahri D. Once More with Feeling: What is Postcolonialism? // *Ariel: A Review of International English Literature*. 1995. Vol. 26 (1). P. 51–82.
7. Сидорова О.Г. Британский постколониальный роман последней трети XX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. 262 с.
8. Slemon S. *Modernism's Last Post // Past the Last Post: Theorizing Post-Colonialism and Post-Modernism* / ed by I. Adam, H. Tiffin. Calgary : University of Calgary Press, 1990. P. 3–17.
9. *The Cambridge History of Australian Literature* / ed. by P. Pierce. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 584 p.
10. Кузмичев А.И. 2016.03.023 Руди Дж.П. Плавающие миры: поэзия эмигрантов и Британская культура. Rudy J.R. *Floating Worlds: Émigré Poetry and British Culture* // *English Literary History*. – Baltimore: John Hopkins Univ. Press, 2014. – Vol. 91, № 1. – P. 324–350 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 2016. № 3. С. 137–139.
11. Широносова В.С. К вопросу о лингвистических особенностях языковой картины мира текста австралийской баллады // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2011. Т. 7, № 4. С. 177–184.
12. Стефанович Т.И. Образ австралийца в национальной литературе // XIV Царкосельские чтения. Профессиональное образование: социально-культурные аспекты: материалы Междунар. науч. конф., 20–21 апр. 2010 г. / ред. В.Н. Скворцов. СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2010. Т. 4 (14). С. 216–219.
13. Marliana R. *Convicts Life in James Tucker's The Adventures of Ralph Rashleigh* // *ELS-Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*. 2018. № 1 (1). P. 76–82.
14. Evans J. *Equal Subjects, Unequal Rights: Indigenous Peoples in British Settler Colonies, 1830–1910* / J. Evans, P. Grimshaw, D. Philips, S. Swain. Manchester; New York : Manchester University Press, 2003. 201 p.
15. Goodwin K. *A History of Australian Literature*. London : Palgrave, 1988. 278 p.
16. Шукунда С.З. Главная песня Австралии: культурологический аспект // *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2017. № 3. С. 128–135.
17. Sheridan S. Reading Australia: «It's Raining in Mango» by Thea Astley // *Australian Book Review*. 2015. № 373. URL: <https://www.australianbookreview.com.au/abr-online/archive/2015/content/158-august-2015-no-373> (дата обращения: 20.10.2018).
18. Mullaney J. «Passing Ghosts»: Reading the Family Album in Thea Astley's «It's Raining in Mango» and «Reaching Tin River» // *Australian Studies*. 2001. № 1. P. 23–44.
19. История всемирной литературы : в 8 т. / под. общ. ред. Г.П. Бердникова (гл. ред.), А.С. Бушмина, Ю.Б. Виппера. М. : Наука, 1994. Т. 8. 848 с.
20. Stanford J., Williams M. *Maoriland: New Zealand Literature 1872–1914*. Wellington : Victoria University Press, 2006. 350 p.
21. Володарская Л.И. Кэтрин Мэнсфилд и ее рассказы // *Мэнсфилд К. Рассказы*. М. : Книга, 1989. С. 5–30.

22. Бурцев А.А., Бурцева М.А. Концепция человека в рассказах Кэтрин Мэнсфилд // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. Вып. 3. С. 190–199.
23. Мэнсфилд К. Рассказы. М.: Гослитиздат, 1958. 333 с.
24. Murray S. Writing an Island's Story: The 1930s Poetry of Allen Curnow // The Journal of Commonwealth Literature. 1995. 30 (2). P. 25–43.
25. Stead C.K. Kin of Place: Essays on New Zealand Writers. Auckland: Auckland University Press, 2002. 392 p.
26. Кравинская Ю.Ю. Маорийский ренессанс 1950–2000: репрезентация национального возрождения в литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 9 (51), ч. II. С. 110–114.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 22 марта 2020 г.

The Specificity of Postcolonial Text of Settler Societies in Australia and New Zealand: A Comparative Aspect

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 41–50.

DOI: 10.17223/15617793/458/5

Yulia Yu. Kravinskaya, Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: rozajulia@mail.ru

Elena V. Polkhovskaya, Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: helenpolkhovskaya@gmail.com

Keywords: settler society; postcolonial literature; English-language literature; identity; discourse; colonization; aboriginal people.

A brief comparative review of English-language literatures of Australia and New Zealand is given in the article. The aim of the article is to highlight the similarities and differences at the stages of the literary process development from the point of view of postcolonial studies. The historical genesis specificity of the region and the uniqueness of national identity formation at the juncture of colonial and colonized cultures stipulate the definition of Australia and New Zealand as settler societies. Tasks needed to be resolved are to disclose the notion “settler societies”, to determine common characteristics of the studied national literatures as postcolonial ones, to give their comparative outline, to make a textual analysis of a number of literary works which are indicative for each stage of the literary process development. In the course of the study, the authors refer to a comparative historical method of scientific enquiry to highlight similarities in the literary process development and the degree of influence of metropolitan literature on it. They also use a sociological method to estimate the impact of the settler societies development on the literary process and a hermeneutic interpretative method in textual analysis to interpret the transformation of a typical hero at various stages of the literary process in Australia and New Zealand. The article is divided into theoretical and practical parts. In the theoretical part, the authors define “settler societies”, overview the place of “settler” countries in the postcolonial space, and note factors allowing to review the national literatures comparatively as postcolonial ones. In the practical part, the authors characterize three stages of the literary process development observed in the national literatures of Australia and New Zealand, conduct an interpretative analysis of the works in which the prolific features of a typical hero are shown. On conducting the research the authors come to the following conclusions. The national literatures of Australia and New Zealand are under the influence of the metropolitan culture and literature, but the relation started to loosen at a contemporary stage of the literary process development due to the formation of the national identities of Australians and New Zealanders. The impact of colonized indigenous peoples’ cultures on the literary process defines the difference between the national literatures. For the countries, the national identity formation is characteristic in the cultural sphere, which makes the further study of identification processes presentation in literary text promising.

REFERENCES

1. Ashcroft, B., Griffiths, G. & Tiffin, H. (2007) *Postcolonial Studies: The Key Concepts*. Second edition. London: Routledge.
2. Hodge, B. & Mishra, V. (1991) *Dark Side of the Dream: Australian Literature and the Postcolonial Mind* North Sydney. Allen & Unwin.
3. Loomba, A. (2015) *Colonialism/Postcolonialism* 3rd ed. Abingdon: Routledge.
4. Tembong, D.F. (2014) The Ambiguous Status of Commonwealth Literature: A Critical Consideration. *International Journal of English and Education*. 3 (3). pp. 455–467.
5. Ashcroft, B., Griffiths, G. & Tiffin, H. (2010) *The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures*. Second edition. London; New York: Routledge.
6. Bahri, D. (1995) Once More with Feeling: What is Postcolonialism? *Ariel: A Review of International English Literature*. 26 (1). pp. 51–82.
7. Sidorova, O.G. (2005) *Britanskiy postkolonial'nyy roman posledney treti XX veka* [British Postcolonial Novel of the Last Third of the 20th Century]. Ekaterinburg: Ural State University.
8. Slemmon, S. (1990) Modernism's Last Post. In: Adam, I. & Tiffin, H. (eds) *Past the Last Post: Theorizing Post-Colonialism and Post-Modernism*. Calgari: University of Calgari Press. pp. 3–17.
9. Pierce, P. (ed.) (2009) *The Cambridge History of Australian Literature*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Kuz'michev, A.I. (2016) 2016.03.023 Rudy J.R. Floating Worlds: Émigré Poetry and British Culture // *English Literary History*. – Baltimore: John Hopkins Univ. Press, 2014. – Vol. 91, № 1. – P. 324–350. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 7: Literaturovedenie*. 3. pp. 137–139. (In Russian).
11. Shironosova, V.S. (2011) Linguostylistic characteristics of linguistic world image of Australian ballad. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. 7 (4). pp. 177–184. (In Russian).
12. Stefanovich, T.I. (2010) [The image of the Australian in national literature]. *XIV Tsarkosel'skie chteniya. Professional'noe obrazovanie: sotsial'no-kul'turnye aspekty* [XIV Tsarkosel'skie Readings. Professional Education: Socio-Cultural Aspects]. Proceedings of the International Conference. 20–21 April 2010. Vol. 4 (14). Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University. pp. 216–219. (In Russian).
13. Marlana, R. (2018) Convicts Life in James Tucker's The Adventures of Ralph Rashleigh. *ELS Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*. 1 (1). pp. 76–82.
14. Evans, J. (2003) *Equal Subjects, Unequal Rights: Indigenous Peoples in British Settler Colonies, 1830–1910*. Manchester; New York: Manchester University Press.
15. Goodwin, K. (1988) *A History of Australian Literature*. London: Palgrave.
16. Shukunda, C.Z. (2017) Australia's main song: The culturological aspect. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 3. pp. 128–135. (In Russian).
17. Sheridan, S. (2015) Reading Australia: “It's Raining in Mango” by Thea Astley. *Australian Book Review*. 373. [Online] Available from: <https://www.australianbookreview.com.au/abr-online/archive/2015/content/158-august-2015-no-373>. (Accessed: 20.10.2018).
18. Mullaney, J. (2001) “Passing Ghosts”: Reading the Family Album in Thea Astley's “It's Raining in Mango” and “Reaching Tin River”. *Australian Studies*. 1. pp. 23–44.
19. Berdnikov, G.P. (ed.) (1994) *Istoriya vsemirnoy literatury: v 8 t.* [History of World Literature: In 8 Volumes]. Vol. 8. Moscow: Nauka.
20. Stanford, J. & Williams, M. (2006) *Maoriland: New Zealand Literature 1872–1914*. Wellington: Victoria University Press.

21. Volodarskaya, L.I. (1989) Ketrin Mensfild i ee rasskazy [Katherine Mansfield and her stories]. In: Mansfield, K. *Rasskazy* [Stories]. Translated from English. Moscow: Kniga. pp. 5–30.
22. Burtsev, A.A. & Burtseva, M.A. (2017) Concept of the human in Katherine Mansfield's stories. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya – BSU Bulletin. Philosophy*. 3. pp. 190–199. (In Russian). DOI: 10.18101/1994-0866-2017-3-190-199
23. Mansfield, K. (1958) *Rasskazy* [Stories]. Translated from English. Moscow: Goslitizdat.
24. Murray, S. (1995) Writing an Island's Story: The 1930s Poetry of Allen Curnow. *The Journal of Commonwealth Literature*. 30 (2). pp. 25–43.
25. Stead, C.K. (2002) *Kin of Place: Essays on New Zealand Writers*. Auckland: Auckland University Press.
26. Kravinskaya, Yu.Yu. (2015) The Maori renaissance 1950-2000: Representation of the national revival in literature. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 9 (51):II. pp. 110–114. (In Russian).

Received: 22 March 2020